

П Р И Л О Ж Е Н И Е № 15

Карташов Антон Степанович

/ бывший сотрудник НКВД, НКГБ, МВД, бывший адвокат /

В начале 30-х годов через рабфак я поступил на учебу в Томский государственный университет, но учиться долго и закончить мне его не удалось. В 1932 году меня вызвали в Органы и предложили из ТГУ перейти туда на работу в качестве следователя. Таким образом, дав согласие, я перешел на работу из ТГУ в Томский городской отдел ОГПУ на должность следователя. Надо сказать, что большой радости я тогда, как помнится, не испытал.

В качестве следователя вел дела как уголовные, так и дела контрреволюционеров, т.е. по 58 статье. Мне было присвоено звание "сержант ГБ", а к 1937 году я получил звание "лейтенанта ГБ". Тогда продвижение по службе шло очень быстро, кадры менялись: кого переводили в другое место, кого на повышение за усердие в работе, а кого ... и в яму. Отказаться от службы в Органах было исключено, т.к. сразу получал штамп "политически неблагонадежного" и "не преданного Советской власти", а это было в те времена чревато самыми серьезными последствиями для отказавшегося. Служба моя проходила в 2-х зданиях по улице Ленина 44 42, но, большей частью, в малом здании. Там, в верхних этажах находились служебные помещения и кабинеты следователей, а содержалась "контра" обычно внизу в подвальных камерах для арестованных, но были и отъявленные уголовники, "жулики", да в эти подвалы они не часто попадали.

Что касается Большого здания на Ленина 42, то там были кабинеты и начальников отделов, отделений, кабинета Начальника Томского горотдела НКВД, его до 1936 года занимал капитан ГБ Подольский М.С. чекист честный и человек порядочный в общем-то, а затем, когда Подольского перевело Краевое Управление НКВД в Новосибирск, на его место прислали из Кузбасса капитана ГБ Овчинникова Ивана Васильевича. Вот это был рвач. Веселый всегда, наглый! Служака без принципов. Бабу мимо себя не пропустит. С нас три шкуры драл, разносы устраивал, только держись! "Количество дел увеличить, сроки сократить!" В день в 1937 году через руки одного следователя проходило по 20-25 дел, а он орал все мало. "Увеличить!" Я его не уважал, но побаивался, да и все побаивались. Помню, всегда начищен, наглажен, "Шипром" за версту несло от него. Арестантов, наиболее запирающихся, или от кого надо было получить наиболее важное показание, доставляли к нему в кабинет там они у Овчинникова язык-то быстро развязывали. На следственные выдумки был неистощим, и нас тому же учил. Одного "ничего не знающего" голой задницей на расколенный котел кочегарки посадили "яйца поджарить", быстро заговорил, некоторых, когда пол над котельной железный сделали из листового металла, в эту подсобку запирали, так пол от котла раскалится, а они там в голом виде пляшут, как на еврейской свадьбе.

Все рассказав, когда паленым мясом запахнет, да еще и своим. Все, что знал, и чего не знал, что не ведал. Ну, это другие следователи делали, им начальство приказывало, т.к на применение физических методов специальное разрешение нужно было, а это такая волокита, столько инстанций и кабинетов нужно было пройти. Нет, просто так не били, вежливость соблюдали с арестантами, на "Вы" их называли. Да, вот о кабинетах. Это вверху, на этажах, а внизу, под зданием подвал, а в нем камеры. Сколько сидело? Да, по разному. Иной раз и пустые были, а были периоды, когда в камере, рассчитанной на 10-12 человек, находилось 70-140. Бывало и подолгу. Были и следственные камеры. Там же при спуске с первого этажа в подвал, справа, точно не помню, комната для расстрельной команды была. Комната отдыха. У одного собака с ним постоянно была, овчарка очень злая, на людей кидалась. Тех кого расстреливать собирались, готова была разорвать. В этой комнате запах всегда стоял, как говорил Райкин, специфический: псиной, дерьмом человеческим, винным перегаром. Команде разрешалось выпивать на работе, даже как бы обязаны были. Это в паек входило, в усиленный. Кто входил в команду? Фамилии? Не помню я, да и менялись они. Работа та это вроде как повышенной нервной отдачи требовала.

Прокурор города Томска Лаптев, ну такой дотошный был, все ему не так, все не эдак, дела на доследование любил возвращать, придирался. Вот и допридирался. Когда в 1937 году сам попал к нам в качестве арестанта, то быстро заговорил, такая контрреволюция скрывалась в нем. Его сначала поджарили, а затем подморозили, тоже специальная холодная камера была. Лоск с него и жир быстро сошли. Нет, его дело я не вел. Не помню кто. У кого спросить подробнее? Спросите у Льва ^{Добрана Исановича} ~~Исаака~~ Абрамовича, он тоже у нас тогда служил следователем. Может он помнит? Вы его знаете? Не знаете? Ах, знаете, ну тогда другое дело. У него и спросите. Может он помнит что, если расскажет, конечно. Соединялись ли эти здания переходом? Да, конечно, я для доклада начальнику отдела, помню зимой в гимнастерке бегал из одного здания в другое, шинель не одевал, значит был какой-то, а надземный или подземный, этого я не помню. Расстреливали ли в переходе? Ну, что Вы, этого я не знаю и не слышал, от Вас впервые. Вообще у нас не расстреливали, кто это Вам сказал? Вот так, наплетут на органы всяческую чушь. Мы с врагами неразоружившимися боролись, наша задача была выявить их и обезоружить, чтобы людям остальным спокойно жилось. Нет, вранье это все, у нас не стреляли, может где-то в другом городе, или городах, или местах, а у нас нет.

Были ли побеги из внутренней тюрьмы горотдела НКВД? Да, конечно! Один. Из подвала малого здания. Их там в камере челове 150 сидело, из них один уголовник, то ли Николай Дураков по фамилии, то ли Иван. Так он здоровый физическим был, черт, решетку раскачал и выдрал из окна, а окно на улицу выходило. Ну и говорит контрам: "Кто со мной?" "Бежим, все равно вас не выпустят, убьют, как куроцеток" Он убежал, а больше никто из этих

дураков-"контриков" не побежал. Остались в камере, а умный Дураков уд-
рал и с концами. Так и не нашли его. Это в 1937 или 1938 годах было. Я
его в 1959 или в 1960 в Томске встретил. Он на заводе им.Вахрушева ин-
женером только устроился работать. Приезжий и на пенсии уже. Тогда в каме-
ру к нам он попал по подозрению в убийстве. Спрашивал его, как, тот ушел.
Он мне рассказал, что из НКВД сразу подался на железнодорожный вокзал
Томск-I, там мулика какого-то убил, документы его, паспорт, диплом инже-
нера забрал, а труп на рельсы под поезд бросил, а сам деру из Томска.
На севере где-то в Якутии устроился на работу и жил там 20 лет. Инже-
нером работал под чужой фамилией. Вот 20 лет прошло, срок давности за
преступление истек, он и вернулся в Томск. Теперь его и привлекать нельзя
было. Семью разыскивал 20 лет не сообщал ей о себе, только, говорил, пе-
реводы из разных мест посылал денежные и безымянные. Нашел.

А с теми из камеры, что не убежали, что случилось? Да, на распыл, нае-
верное, не помню точно.

Льву, как еврею, поручались следственные дела на арестованных евре-
ев. У меня вот тоже оказии случилась, долго икалось мне за доброту мою.
Лев тех евреев под расстрел старался подвести ко мне на следствие в
37-38 г. односельчане из моей родной деревни попадали, в том числе и
родственники, Карташовы, дедья там, племянники, братья всякие. Ну, чтоб
в деревне разговоров не было, я их всех под расстрельные статьи подводил,
а вот дядю одного своего пожалел, в детстве он меня на охоту брал, учил
охотиться. В общем, пожалел гада, вместо расстрела срок ему, 20 лет нак-
рутил. Думал за столько то лет в лагере подохнет, а у меня совесть будет
чиста. А вот жалости в нашем деле не должно быть. Вот и пострадал за
свою доброту.

А дело было так. Когда Берия разоблачили, стали искать стрелочников
на местах, многих из органов вычистили, меня тоже уволили. Это в 1957 или
в 1958 году было. Куда податься? А я все-таки был в звании "майора".
Образования, специальности никакой, только ТГУ неоконченный и межкраевая
школа НКВД в Новосибирске за плечами. Оказался я на улице, но нашлись
добрые люди, направили меня в родную деревню председателем колхоза.
Предложение было такое, а там по детству помню, хорошие места, где мож-
но поохотиться. Я и согласился. Приехал, в должность вступил, работа пош-
ла. Как-то раз краем поля верхом на лошади ехал, поля объезжал. Вдруг
выстрел из кустов. Стреляли в меня, а попали в лошадь. Лошадь упала, я
кустами, лесочками бежать, аж до самого Томска. Понял, что кто-то про меня
прознал. В Томске в Обком партии пошел, там мне работу подыскали, адвока-
том устроился работать, так до пенсии и проработал. Стрелял кто? А я
потом узнал, что то дядя мой, 20 лет отсидел и вернулся. Убить хотел,
вот он и стрелял, которого я в 37 году пожалел. Вот так он отблагодарил
меня. Ну, конечно, доказать ничего не удалось против него, улики никаких,
а в родные края, пока он не умер, я не рисковал появляться, да и вообще
меня туда не тянет.

Что касается службы? В 1943 году меня направили для прохождения службы в г. Колпашево, Томской области, да тогда еще Новосибирской, на должность начальника горотдела НКВД. Там мне сотрудники рассказывали, что в 37-38 гг. зимой, на улице морозы были больше 40 градусов, так вот приговоренных к расстрелу выгонят голыми на мороз, а самим, чтобы не мерзнуть, из форточки из револьверов по ним, как по живым мишеням стреляют. Может так и было в Колпашево. С 1943 года в Колпашево существовала ИТК "Колпашево" После указа об амнистии дезертиров ИТК расформировали. С кем служи? Начальником отделения по спецпереселению при мне был Шевелев. Был отдел по борьбе с бандитизмом/ОББ/, был отдел по религии /ОпР/. Подполковник милиции Островляничик был моим замом в звании майора, затем в этом же ряду звании был начальником НКГБ г. Колпашево. Это все во время войны. Начальником политотдела милиции был Смирнов Александр Васильевич. Уважаемый мной человек. У Шевелева заместителем по спецпоселениям был Вальков. В милиции служили Зюзьков, Дьяконов. Милиция была на первом этаже, НКГБ на 2-м этаже здания. Начальником УНКВД области Новосибирской был Малинин, затем Корущкий. Да, в 1937 году по приказу капитана Овчинникова в тюрьме г. Томска я и Салтыков, тоже работник НКВД, проводили проверку на обоснованность задержания, выпустили около 100 человек, основания задержания и содержания под арестом у них не было. Это были невинные люди. Овчинникова, когда его арестовали самого, сменил вроде бы Пасынков. Он стал начальником Томского г/о НКВД. Салтыков хороший был мужик, честный чекист. Что собой представлял лагерь в Колпашево? Нет, там не расстреливали и по приказу о ликвидации лагеря, другие способы ликвидации есть, патроны берегли для фронта, фронту они нужнее. Заключение в лагерях жили хорошо. Ну вот работали, например, на разгрузке баржи с мукой и зерном, набивали карманы, набивали карманы, потом кашу варили, лепешки стряпали. Разгружали рыбу, были рыболовные бригады из зеков, так что и рыба у них была, да, что говорить, в годы войны они питались чуть ли не лучше, чем те, кто их охранял, да и работников милиции тоже лучше питались.

Что запомнилось больше из службы в г. Колпашево? Это операция по поимке дезертиров Пьянковых. Их долго призвать на фронт не удавалось. Таежники, охотники, ходы и выходы, все тропы в тайге знали. В поселки только за порохом, спичками и солью ходили. Ну, все же призвали и на фронт отправили. Стец и сын. Там они обмундирование, автоматы получили, а до фронта не доехали, бежали, дезертировали и опять в родную тайгу. Это недалеко от п. Инкино Колпашевского района. В районе староверского поселка Малгет они скрывались. Проводник один помог милиции выйти на их логово в тайге. Там землянка по всей форме, с печкой, а рядом будешь стоять и не сразу заметишь.

В Малгете старик со старухой жили, так вот они их убили и полотенце взяли, вот по полотенцу их и вычислили, как убийц. Операцию по поимке разрабатывал я, я же и руководил поимкой. С помощью проводника вышди на их землянку, по их же следам. Гранату кинули, из автомата выстрелили разок, те ошешили, расстерялись и сдались. Не ожидали, что их вычислят. Ну, конечно, следствие, срок, посадили их. Посидели дезертиры Пьянковы недолго. Тут амнистия дезертирам вышла, их и выпустили. Меня в Колпашево встречали когда, улыбались, а так опять в тайге, как лешаки жили. Вот, наверное, самое запомнившееся из службы в Колпашево.

Со слов Карташова А.С.

записал Деянин С.А.

г.Томск, 1989 г.

Примечание: Встреч с Карташовым и бесед с ним у автора и тогдашнего научного сотрудника ТОГИАМ Чичкинова Ю.Н. было около 20. Не всегда охотно говорил, встречал приветливо, веселый, улыбчивый, русское лицо, с большим чувством юмора и тоже с катетором и баночкой мочи. Дверь держал на запоре постоянно, на стук долго не открывал. Вообще играл роль радушного хозяина, только углы занавесок выдавали настороженный внимательный взгляд, порой даже колючий, из-за опущенных всегда штор. На фотографиях, любезно показанных нам, будь-то в форме сержанта, или в форме майора, всегда веселый, всегда уверенный, всегда довольный. Вообще - рубаха-парень.

А что касается Пьянкова из под Колпашево 1943 г., так это тот Пьянков, который встречается в материалах Тоинского с/совета среди бедноты-активистов, начала 30-х годов и с которым автор имел встречу и беседу при случайной встрече зноным летом 1978 года недалеко от поселка Озерного на Колпашевских лугах, где автор рыбачил в период летнего отдыха, а дед /отец/ Пьянков косил траву и складывал в телегу для своей лошади. Крепкий был еще старик, пчелок держал, но в тайгу уже почти не ходил, на ноги жаловался, "...подводит при долгой ходьбе, а сын еще вовсе бегаёт за соболишками-лосишками". Вот впервые рассказанная тогда им история о дезертирах Пьянковых, полностью совпадает с рассказом Карташова из 1989 года.

Когда автор смотрел киносериал "Сибиряда", то постоянно ловил себя на мысли о том, что один из героев "Вечный дед", кого-то сильно напоминает, а напоминал он как раз таежника-охотника деда Пьянкова, бывшего дезертира и даже убийцу. В жизни все круче, чем в кино.

Пьянков, в начале века молодым приехал из России на вольные земли Сибири, забрался в страшную глушь, основал вместе с Иваном Белокрыловым на р. Чае в нынешнем Чаинском районе п. Белокрыловку, жил охотой, рыбалкой, дарами тайги, в 30-е годы попал в сельские активисты, затем от суеты ушел дальше в тайгу и дожил чуть ли не до 80-х годов, пережив поселок им основанный и большинство жителей, проживавших в нем.